

ВЛИЯНИЕ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВО ВЗГЛЯДАХ ЕВРАЗИЙЦА Н.С. ТРУБЕЦКОГО (В КОНТЕКСТЕ КОНСЕРВАТИВНОГО ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИИ)

Представлен анализ влияния монголо-татарского ига на процесс формирования российской государственности во взглядах видного представителя евразийского движения Н.С. Трубецкого на проблему влияния монголо-татарского ига на процесс становления российской государственности. Работа содержит характеристику евразийского подхода к оценке специфических черт российского типа власти. Автор обосновывает тезис об обусловленности некоторых выводов евразийской историографии социально-политическими установками евразийцев. Русские консерваторы считают, что любая модернизация, не учитывающая цивилизационных особенностей страны, будет либо неэффективной, либо обернется потерей национальной идентичности.

Ключевые слова: евразийство; монголо-татарское иго; самодержавие; идеократия.

В современной российской историографии активно обсуждается вопрос о роли монголо-татарского нашествия и ига на ход отечественного исторического процесса. Идеи дореволюционной историографии об отсутствии значительного влияния монголов на социально-политические институты Руси (например, концепции С.М. Соловьёва и С.Ф. Платонова, отчасти В.О. Ключевского), а также выводы о сугубо негативных последствиях ига в трудах советских ученых (М.Н. Покровский, Б.Д. Греков, А. Якубовский, В.В. Карталов и др.) подвергаются обоснованному сомнению. Пожалуй, самую полную картину исторического взаимодействия (а не только противостояния) Руси и Степи представил в своих многочисленных работах Л.Н. Гумилёв, называвший себя, кстати, «последним евразийцем». Однако идеи о значительной роли кочевого мира и прежде всего монголо-татар на ход истории России стали формулироваться в отечественной исторической науке в первой четверти XX в. Самый весомый вклад в разработку данного вопроса, несомненно, был внесен учеными-евразийцами Н.С. Трубецким, Г.В. Вернадским и П.Н. Савицким – яркими представителями отечественной исторической и общественной мысли русского революционного зарубежья.

Ученого-филолога, блестящего лингвиста и историка Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938) называют духовным наставником евразийства. В своих исследованиях, посвященных истории средневековой Руси, он, пожалуй, первый из отечественных историков представил четко сформулированную, обоснованную концепцию о значительном влиянии монголов на специфику российской государственности. Обратимся к анализу его взглядов на данную проблему. Трубецкой обосновывает тезис о том, что период Киевской Руси неверно считать этапом генезиса Российской цивилизации. Для доказательства своей идеи он приводит следующие аргументы: во-первых, государство Киевской Руси возникло как аморфное политическое образование, главной задачей которого стало обеспечение торгового транзита по пути «из варяг в греки»; во-вторых, правящий класс Киевского государства составляли этнически чуждые восточным славянам варяги; в-третьих, на территории Восточно-Европейской равнины одновременно с Киевской Русью существовали и другие государственные образования – Хазарский каганат, Волжская Булгария, политические союзы кочевников – ничем не уступавшие, а в ряде случаев и превосходив-

шие по силе Киевскую Русь; в-четвертых, вражда между собой княжеств и уделов Киевской Руси носила постоянный характер, и наконец, географически Россия представляет собой межконтинентальную евразийскую державу, а Киевское государство занимало лишь часть Восточно-Европейской равнины [1. С. 291–293]. В силу указанных выше обстоятельств, по убеждению Н.С. Трубецкого, Киевская Русь была обречена на скорый распад, что и произошло в канун монгольского нашествия. Монголы же способствовали хозяйственному и административному объединению уделов в единый северо-западный улус своей империи, хотя в своих целях и поддерживали княжеские распри.

В связи с отмеченной оценкой князем Трубецким киевского периода отечественной истории представляется необходимым высказать ряд следующих замечаний: во-первых, в киевский период произошло принятие Русью православного христианства, ставшего впоследствии основой русской духовности, а также повлиявшего на формирование специфических институтов власти и общества; во-вторых, сложно подвергать сомнению военные успехи киевских князей: Святослав разгромил Волжскую Булгарию и Хазарию, а Владимир I и Ярослав Мудрый успешно воевали со степняками – печенегами и половцами; в-третьих, вопрос об этнической принадлежности варягов остается дискуссионным и по сей день; в-четвертых, процесс феодальной раздробленности на Руси имел вполне объективные, прежде всего социально-экономические причины и был характерен не только для Киевской Руси, но и для европейских государств периода Средневековья, и наконец, Трубецкой явно недооценивает славянский фактор в процессе становления русской ментальности и социальной идентичности. Следует отметить, что недооценка киевского периода российской истории предпринимается Трубецким с целью придания своей концепции большей логичности и непротиворечивости. Однако его дальнейшие доводы, касающиеся монгольского периода истории России, доказывают факт значительного влияния Орды на специфику Российской цивилизации. Переходим к рассмотрению этих доводов.

Итак, Н.С. Трубецкой отмечает, что если взглянуть на карту современного ему СССР (1920–1930-е гг.), то становится ясно, что географически СССР – это та же Российская империя (без «чуждых вкраплений» – Польши, Финляндии, Прибалтики), а Российская империя – геополитический наследник великой империи

Чингисхана. Но Россия – не вся монгольская империя (ведь в ту входили Китай, Иран, Ближний Восток), а только ее ядро. Территориальные особенности России обусловлены географией Евразии. Россия включает в себя протянувшиеся меридионально зоны тундры, тайги, степи и гор, окаймляющих степи с юга. На этой территории от Дуная до Тихого океана просматривается не только единство климата и природного мира, но и антропологическое, языковое и ментальное единство населяющих это пространство народов, несмотря на то что эти народы принадлежат к разным религиям, языковым семьям и даже расам. Гениальный лингвист Трубецкой в ряде исследований убедительно доказал этот тезис на языковом материале [1. С. 198–225]. По убеждению евразийца, Россия – это особая часть света, отделенная от собственно Европы и Азии – Евразия.

Специфика географического положения России-Евразии, продолжает Трубецкой, указывает на то, что объединить Евразию может только тот народ, который установит контроль над всей зоной степей на протяжении от Дуная до Тихого океана. Слабость Киевской Руси и других политических образований Евразии объяснялась тем, что они контролировали какую-либо речную систему, протянувшуюся с севера на юг, поэтому и владели лишь малыми частями Евразии, расположенными вдоль той или иной речной системы. Проницательность анализа географических пространств сделала Н.С. Трубецкого одним из основателей геополитики [2. С. 74–87].

Первым, кто выполнил историческую задачу объединения Евразии, был Чингисхан, установивший господство монголов прежде всего над степью. По мысли Трубецкого, общественно-политический строй Монгольской державы нельзя оценивать только лишь как варварский, грабительский и т.п. Трубецкой указывает на то, что монгольское кочевое общество Чингисхан построил на принципах верности верховному правителю и самопожертвования в бою. Главными добродетелями провозглашались так необходимые военному государству верность, преданность и стойкость. Соответственно главными пороками «Яса» Чингисхана называла измену, предательство и трусость. «Психологический тип» людей, на которых ориентировался Чингисхан, создавая свою кочевую империю, отличался тем, что люди, к нему принадлежащие, ставят честь и достоинство выше безопасности и материального благополучия. Эти люди ощущают себя частью единой иерархии, во главе которой, в конечном счете, стоит Бог. Иерархия и свое место в ней воспринимается людьми данного психологического типа как часть неизменного божественного порядка [1. С. 299].

Однако в данном вопросе Н.С. Трубецкой явно переоценивает моральный облик большей части представителей кочевого общества, утверждая, что именно кочевники (которые вследствие специфики их быта не склонны к материальному благополучию) более, чем представители оседлых народов, соответствуют приведенным выше моральным критериям. Трубецкой заключает, что Чингисхана не следует считать только разрушителем и поработителем. Он не в меньшей степени и создатель огромной империи, обеспечившей на целую историческую эпоху связь крупнейших цивили-

заций Евразии. Оценивая последствия монгольского нашествия и ига на русской земле, Трубецкой считает, что обращать внимание только на разрушения и потерю самостоятельности Руси недостаточно. Прежде всего, эпоха ига – это время расцвета религиозного православного сознания. Единственное, в чем могли найти русичи утешение в страшные годы нашествия и ига, была вера. Иго было воспринято религиозным сознанием как Божье наказание за грехи. «Реальность этой кары утверждала сознание реальности греха и реальность карающего божественного Провидения и ставила перед каждым проблему личного покаяния и очищения через молитву» [1. С. 310]. В период ига уход в монахи и создание новых монастырей, по словам Трубецкого, приобретают массовый характер. Напряжение духовно-религиозной жизни обусловило и расцвет православной художественной культуры. Имена только Андрея Рублёва и Сергия Радонежского говорят сами за себя. Катастрофа нашествия и ига повлекла за собой переосмысление системы ценностей, послужила импульсом для духовных исканий.

Еще более важен, по убеждению Трубецкого, тот факт, что «в виде реакции против подавляющего чувства национального унижения возникло и пламенное чувство преданности национальному идеалу» [Там же. С. 308]. В народном сознании начинается героизация русского прошлого, прославление князей и богатырей как защитников русской земли от врагов. Это отразилось в первых былинах, появившихся как раз в период «татарщины». Наряду с военным героизмом появляется и установка на «героизм аскетический, подвижнический, постоянно находивший реальное воплощение как в русских князьях, так и в отдельных мучениках, казненных в Орде» [Там же]. Следствием эпохи монгольского ига ученый называет начало процесса формирования на Руси особого социокультурного феномена – «бытового исповедничества». Трубецкой указывает на то, что в Московском царстве верхи и низы общества не отличались по мировоззренческому признаку. Все подданные московского царя, независимо от социального статуса, принадлежали к одной культуре, исповедовали одну и ту же религию, придерживались одной и той же морали. Отличие заключалось не в качестве материальных и духовных ценностей, а «в степени осуществления в жизни каждого лица единого культурного идеала» [Там же. С. 324]. По его убеждению, в русском сознании вера не была только совокупностью отвлеченных догматов. Повседневная жизнь, быт людей, человеческие взаимоотношения были «пропитаны» православным мироощущением. «Вера входила в быт, быт – в веру, оба сливались воедино в целостную систему «бытового исповедничества» [Там же. С. 323].

Однако понятие «бытовое исповедничество» намного шире, чем взаимопроникновение религии и быта. Из «бытового исповедничества», по мысли ученого, вытекает государственная идеология Московской Руси – царское самодержавие. Здесь Трубецкой подходит к анализу принципов неразрывной связи царской власти и православной веры. Русский царь воспринимается как помазанник Божий, призванный в мирской жизни обеспечить людям такой социальный порядок, при котором человеку будет легче следовать христианским

заповедям. Абсолютная власть царя – тяжкий крест, ведь царь ответственен перед Богом за каждого из своих подданных. Правитель ответственен за грехи нации, а значит, его царствование – нравственный подвиг. Таким образом, русский самодержец представляется, с одной стороны, как ответчик за народ, а с другой – как орудие проведения божественных велений в жизни нации. А раз царь – проводник Божьей воли, то человек, послушавшийся царя, считался Божьим отступником, а это, в свою очередь, самый тяжкий грех для христианина [3. С. 167–196]. Поскольку православие неразрывно связано с самодержавием, то и институт Русской православной церкви занимает в самодержавном государстве особое место. Так как царь воспринимается как помазанник Божий, то он тем самым считается главой Русской церкви. Институционально глава Церкви – патриарх, но в споре «священства» и «царства» последнее слово остается за «царством». В истории средневековой Руси, по мысли Трубецкого, конфликты государства и Церкви незначительны. А главное, идеалом отношений власти и Церкви признавалась «симфония» – единение самодержавия и РПЦ в нелегком деле управления и наставления подданных.

Однако главным процессом, происходившим на Руси в эпоху ига, Н.С. Трубецкой называет «восприятие и применение к условиям русской жизни самой татарской государственности» [1. С. 310]. Трубецкой справедливо отмечает, что такие выдающиеся отечественные историки, как С.М. Соловьёв и С.Ф. Платонов, анализируют историю Руси XIV–XV вв. без связи с монгольским влиянием. По их мнению, движущие факторы истории Руси были сугубо внутренними, связанными с эволюцией феодального хозяйства и политической системы, и практически не ощутили на себе влияния извне. Русским историкам, по мнению Трубецкого, следует отрешиться от предвзятого игнорирования факта принадлежности России к монгольскому государству и признать то обстоятельство, что «если в таких важных отраслях государственной жизни, как организация финансового хозяйства, печати и путей сообщения, между русской и монгольской государственностью существовала непререкаемая преемственная связь, то естественно предположить такую же связь и в других отраслях, в подробностях конструкции административного аппарата, в организации военного дела и проч.» [Там же. С. 311].

Однако тезис Трубецкого о наличии в монгольском обществе «большой государственной идеи», которой не было в удельно-вечевой Руси, представляется спорным. Ученый утверждает, что русские переработали, переосмыслили в соответствии с православным мировоззрением и византийскими политическими традициями монгольский идеал континентальной империи и перехватили «эстафетную палочку» государственностроительства у слабеющей Золотой Орды, которая в силу ряда причин оказалась неспособной следовать заветам Чингисхана [Там же. С. 311–312]. Представляется более обоснованным говорить о синтезе соответствующих русской и татарской государственно-идеологических установок, а не о простом заимствовании нами государственной идеи у монголов [4. С. 313–342]. Православная традиция Киевской Руси освятила государ-

ственную (княжескую) власть как защитницу веры и распространительницу христианства (например, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона). Большое значение в процессе формирования российской государственности имели византийские традиции: тесная идейная связь православия и самодержавия, превосходство светской власти над церковной. Представляется верным, что традиции имперской государственности на Руси стали в большей мере следствием духовного и политического влияния Византии. Вероятно, свою роль в процессе генезиса нашей государственности сыграло и особое мироощущение восточных славян, изначально живущих на огромных открытых просторах и в силу своего менталитета способных мирно уживаться с другими народами.

Однако и влияние монгольского фактора не следует недооценивать. Двухвековой период ига повлек за собой значительные изменения в антропологическом типе русских, оказал воздействие на менталитет [5. С. 373–402], например в обретении русскими такой черты (по словам другого евразийца – П.Н. Савицкого), как «ощущение континента» [6. С. 176]. Этот факт имел решающее значение для процесса развития России как особой межконтинентальной империи, где на 1/6 части суши мирно уживаются около полутора сотен народов и народностей. Феномен России в этом плане, пожалуй, единственный за всю историю человечества. Возвышение Москвы Трубецкой называет прямым следствием татарского ига. По его убеждению, именно в Московском княжестве процессы духовного подъема и укрепления основ государственности (при одновременных параллельных случаях морального падения, унижительного прислужничества татарскому режиму, карьеризма) протекали наиболее интенсивно. Также именно в Москве заинтересовались византийской государственной идеологией. В итоге, по словам ученого, «великие князья московские становились постепенно живыми носителями новой русской государственности» [1. С. 314].

Хотя на первом этапе их объединительная политика и была выражением эгоистических удельных интересов, но постепенно усвоение «татарского государственного инстинкта», традиции «народной монархии» владимиро-суздальских князей, заимствование византийских принципов государственности обусловили превращение Москвы в политический центр Руси [4. С. 362–414]. Причем московские князья настолько хорошо освоили традиции и механизмы политико-административной системы Золотой Орды, что говорить о свержении ига некорректно. По словам Трубецкого, «важным историческим моментом было не свержение ига, а распространение власти Москвы на значительную часть территории, некогда подвластной Орде, другими словами, замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву» [1. С. 315].

Московские князья, проводя в русских землях ордынскую политику, прочно завоевали доверие татар и со временем стали как бы «наследственными губернаторами русской провинции татарского царства» [Там же. С. 317]. При ослаблении центральной власти в Орде именно московские правители оказались готовы к объединению земель бывшей монгольской державы, но только теперь уже под властью Москвы. Московское

государство стало геополитическим наследником евразийской империи Чингисхана. А главная причина этого заключалась в том, что русский народ в период ига сохранил свою национальную православную идентичность, впитал в себя позитивный опыт монголов и стал создателем обширнейшего Российского государства [7. С. 64]. Анализ Н.С. Трубецким проблемы влияния монголо-татарского ига на ход отечественной истории следует признать достаточно глубоким и обоснованным. Впоследствии евразийский подход к данной проблеме более детально был разработан в работах профессионального историка Г.В. Вернадского. Несмотря на отдельные спорные моменты в аргументации евразийцев, следует в целом согласиться с их выводами. Важно при этом учитывать, что евразийство 1920–1930-х гг. все же представляло собой больше социально-политическое, нежели историческое движение [8. С. 29–31].

Характеристика взглядов евразийцев на проблему роли монгольского ига в истории России позволяет утверждать об их приверженности основным постулатам российского консерватизма в анализе цивилизационных особенностей России. Мыслители-консерваторы конца XIX – первой половины XX в. выделяли следующие особенности российского общества: 1) тоталитарно-идеократический тип власти, для которого характерно тяготение к единовластию, наличие доминирующей государственной идеологии, всевластие политической элиты; 2) тесная связь государства и Церкви. В мирских делах приоритетной признается роль власти, но идеалом отношений между ними провозглашается «симфония» – гармоничное единство светской и духовной властей, совместно ведущих народ по пути следования христианских заповедей; 3) сама же Церковь провозглашается целью, хотя в мирской жизни полностью и не достижимой, развития и социума, и институтов власти. Церковь как община верующих, соединенных в «соборную личность» общими духовными смыслами (а не юридическими нормами, как в западном гражданском обществе), есть идеал и путь развития общества; 4) тяготение к сословно-корпоративным формам организации общества, строгий иерархизм сословной (даже в юридически бессословном обществе) системы, бесправие и служилый характер сословий и социальных групп по отношению к верховной власти; 5) приоритет обязанностей над правами, права и привилегии даются лишь как средство исполнения обязанностей; 6) общинный характер жизнеустройства, для которого характерны ценности коллективизма и взаимопомощи, негативное отношение к рыночной морали наживы, отношение к человеку как неотъемлемой части целого – семьи, общины, народа, почитание традиций и духовных авторитетов.

Анализ отдельных аспектов отечественной истории предпринимался евразийцами с целью обоснования своих идейно-политических постулатов. Изучение влияния ига на процесс становления российской государственности должно было подтвердить тот факт, что исторически сложившийся тип власти в России соответствует «тоталитарно-идеократической» доктрине евразийского учения. Этот аспект социально-политического наследия евразийцев указывает на тяготение политической программы евразийства к основным установкам российского консерватизма. Как видим, тема эта чрезвычайно широка и многопланова. В данной работе была предпринята попытка проанализировать такой ее аспект, как генезис тоталитарной государственности в России.

В целом евразийцы, создавая собственную концепцию общества, во многом оставались в русле отечественной консервативной мысли, идущей от славянофилов и теории «официальной народности» С.С. Уварова. Консервативная традиция русской мысли утверждает, что православие (основа мировоззрения и менталитета), самодержавие (тоталитарно-идеократический тип власти, не обязательно в форме монархии) и народность (особая общинная форма организации общества) тесно взаимосвязаны и объединены в единый континуум по следующим принципам: 1) связь православия и самодержавия выражается в том, что православие провозглашает верховного правителя неограниченным в правах помазанником Божьим, а самодержавие, в свою очередь, считается защитником, покровителем Церкви; 2) самодержавие и народность неразрывны в том смысле, что народ вручает царю как своему пастырю неограниченную власть, а царь, в свою очередь, должен использовать абсолютную власть во благо подданных; 3) глубинная связь православия и народности проявляется в том, что русские общинные традиции жизнеустройства являются своеобразным прообразом общины верующих, объединенных догматами («симфоническая личность» евразийцев), а также характеризуются неразрывной связью веры и повседневной жизни («бытовое исповедничество»). Эта своеобразная схема, обоснованная русской консервативной мыслью, представляет собой главное выражение специфики российской цивилизации, ее «генетическую матрицу». Любая модернизация, не учитывающая названных выше цивилизационных особенностей страны, будет либо неэффективной, либо обернется потерей национальной идентичности. В этом призыве заключена вечная актуальность не только социально-политического наследия евразийства, но и всей русской мысли XIX – первой половины XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М. : Эксмо, 2007. 794 с.
2. Дугин А.Г. Основы геополитики. М. : Арктогея, 1996. 897 с.
3. Боханов А.Н. Русская идея: от Владимира Святого до наших дней. М. : Вече, 2004. 437 с.
4. Солоневич И.Л. Народная монархия. М. : АСТ, 2004. 498 с.
5. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М. : Прогресс, 1997. 532 с.
6. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М. : Наука, 1999. 428 с.
7. Гумилев Л.Н. Меня называют евразийцем // Наш современник. 1991. № 1. С. 57–65.
8. Пащенко В.Я. Социальная философия евразийства. М., 2003. 424 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 сентября 2011 г.